

DOI: 10.25178/nit.2017.1.8

БУРЯТЫ В СУБЭТНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ)

THE SUB-ETHNIC ASPECTS OF THE BURYATS: THE ISSUES OF ETHNIC SELF-IDENTIFICATION

Динара Т. Трегубова

Институт научной информации по
общественным наукам
Российской академии наук

Dinara D. Tregubova

Institute of Scientific Information
for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences

В статье представлены особенности этнического самосознания современных российских бурят, в котором автор выделяет субэтнические идентификационные подуровни. Тем самым проблема субэтнической идентичности рассматривается в плоскости идентификационных процессов и связывается с родоплеменным делением этноса.

Родоплеменной состав бурят сложный и включает множество родоплеменных групп, из которых самыми крупными считаются хори, эхириты, булагаты и хонгодоры. Они ведут своё происхождение от протобурятских племен, проживавших в Прибайкалье уже в средневековье. Значительная часть современных бурят идентифицирует себя с помощью этих этнонимов.

Краткий экскурс в историю развития бурятских родов показывает, что изначально это была строго экзогамная община, большая патриархальная семья. Появление русских в Прибайкалье в XVII в. привело к изменению территории расселения многих родовых групп бурят. На рубеже XVIII–XIX вв. земля становится уже не родовой, а территориально-улушной, родовое деление утрачивает прямое соответствие с территориальной общностью. В XIX в. род ста-

The article describes the ethnic self-consciousness of Buryats in contemporary Russia, with a focus on sub-ethnic identification. Thus the issue of sub-ethnicity is seen through the prism of identification and linked to the clan and tribal structure of an ethnicity.

The complex tribal structure of the Buryats includes a multitude of entities, the largest of which are the Khori, the Ekhirid, the Bulagad and the Khondogor. All of them are descendants of proto-Buryat tribes who lived in the Baikal region in the Middle Ages. It is with these groups that many contemporary Buryats identify themselves.

A brief look at the history of Buryat tribes shows that they began as strictly exogamic communities, as large patriarchal families. The arrival of Russian settlers in the Baikal region in the 17th century led to a rearrangement of the borders of the tribes' traditional territories. At the turn of the 19th century, land was divided along the territorial

Трегубова Динара Дмитриевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 51/21. Эл. адрес: inionran@mail.ru

Tregubova Dinara Dmitrievna, Candidate of History, Academic Secretary, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Postal address: 51/21 Nakhimovsky Prospekt, 117418, Moscow, Russian Federation. E-mail: inionran@mail.ru

новится административной единицей. Племенное деление сохраняется, но состав рода пополняется представителями других родов, которые кочуют на его территории, сам же род дробится на мелкие группы. В начале XX в. административно-родовая община бурят переживает распад. Политика конструирования бурятской социалистической нации и переселенческая политика советского руководства привели к образованию в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике специфической этнической общности. Родоплеменная идентификация в советское время утратила свои прежние функции, но в самосознании бурят сохранялась. В 1990-е годы этническая принадлежность бурят стала очень значимой в общих условиях национального возрождения, в том числе актуализировался родоплеменный уровень идентификации.

Наличие субэтнической (родоплеменной) идентификации в сознании современных бурят не препятствует ни осознанию общепурятского этнического единства, ни формированию общероссийской гражданской идентичности. Востребованность идентификации с родом в этнической Бурятии обусловлена теми функциями, которые она выполняет. Поэтому, скорее всего, в обозримом будущем наличие родового самосознания останется отличительной характеристикой бурятской этнической общности.

Ключевые слова: буряты; родоплеменная идентификация; субэтнические группы; этническая идентичность; идентификация

borders of the ulus, rather than viewed as belonging to a particular clan. Thus, clan structure no longer directly matched territorial communities. In the 19th century clans begin functioning as administrative units. Tribal divisions survived, but tribes split into smaller groups which recruited representatives of other nomadic clans passing through the territory associated with a tribe. In early 20th century the administrative role of clan communities collapsed. The policy aimed at the construction of a Socialist Buryat nation, aided by the official control of migration in the USSR, created a specific ethnic community within the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. The clan and tribal structure in the Soviet years lost its historical functions, but survived in the memories and self-identification of the Buryats. The 1990s saw its renaissance in the general conditions of national revival – including the re-actualization of clans and tribes as identities.

The existence of Buryats' sub-ethnic identification with a clan and a tribe does not prevent them from belonging to a unified Buryat ethnicity or a federal-level Russian civil identity. The identification with a clan in Buryatia is relevant, since a number of functions are assigned to it. Therefore, in the foreseeable future it will survive as a specific feature of the Buryat ethnicity.

Keywords: Buryat; clan and tribal identification; sub-ethnic groups; ethnic identity; identification

Введение

Самосознание человека непременно содержит этническую составляющую. Так утверждал классик отечественной этнологии С. А. Арутюнов еще в 1989 г. (Арутюнов, 1989: 22–24), и мы с ним согласны. В условиях глобализации и унификации образа жизни, несмотря на очевидное сужение этнокультурной специфики, этнос, тем не менее, упорно продолжает воспроизводиться (Карлов, 2016: 9). Наиболее устойчивой характеристикой этноса служит этническое самосознание, обладающее сложной структурой, сохраняющееся даже при исчезновении прочих ключевых признаков принадлежности к этносу, таких как язык или религия (Уварова, 2016: 296).

В этническом самосознании современных российских бурят, помимо общепурятского уровня идентификации, можно выделить несколько субэтнических идентификационных подуровней (Антонов, Очирова, 2003: 117). Наличие территориально-блоковой идентификации подразумевает

деление бурят на западных и восточных. Родоплеменная идентификация подразумевает отнесение себя к определенному роду и племени — хори, хонгодорам, эхиритам, булагатам или другому — в соответствии со своей родословной. Не менее характерна относительно четкая идентификация с различными этнотерриториальными группами, формирование которых началось в XIX в. (Буряты, 2004: 50–56). Нижнеудинские, балаганские, аларские, идинские, кудинские, верхоленские, ольхонские, тункинские, закаменские, окинские, баргузинские, кударинские, селенгинские, хоринские, агинские и др. буряты есть и сегодня (Трегубова, 2011: 87–96).

Цель статьи — показать, какую роль в жизни этноса в условиях глобализации может играть субэтническая идентификация.

Племя и род у бурят: вопросы терминологии

Для обозначения рода у бурят существуют различные термины: *эсэгэ*, *яһан*, *соло*, *омог*, *аймак* и др. (Балдаев, 1961: 92). Единого термина для обозначения племени тоже нет. Эхириты и булагаты называют племя словом *яһан* (кость), хори-буряты — словом *эсэгэ* (отец); иногда среди эхиритов и булагатов под словом *яһан* понимают род. Хонгодоры под словом *яһан* понимают и племя, и род. По-видимому, первоначально слово *яһан* обозначало род, затем у большей части бурят стало означать племя (там же: 78). В русскоязычной терминологии «кость» означает ответвление рода, т.е. подразделение более мелкое, нежели род. В настоящей работе прилагательные «родоплеменной» и «родовой» употребляются как синонимы.

Наиболее крупными родоплеменными группами в составе бурят являются уже упомянутые нами эхириты, булагаты, хонгодоры и хори (Балдаев, 1970: Электр. ресурс). Они ведут своё происхождение от протобурятских племен, проживавших в Прибайкалье и упоминающихся в средневековых источниках. По мнению Л. Р. Павлинской (высказанному, впрочем, больше десяти лет назад), перечисленные этнонимы употребляются исключительно для обозначения этих средневековых этносов, и путать их с собственно бурятами не стоит (Павлинская, 1996: 64). Однако сегодня ими оперируют не только исследователи: значительная часть современных бурят идентифицирует себя с помощью этих этнонимов (Трегубова, 2009).

Повышение значимости родоплеменного уровня идентификации связано с начавшимся в период перестройки процессом национально-культурного возрождения. Большую роль в этом процессе играла и про-

должает играть бурятская интеллигенция. В 1990-е гг., после появления публикаций сотрудников Бурятского института общественных наук (современный Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН), посвященных различным родовым группам, практически утраченную идентификацию с родом стали возрождать, ориентируясь на мнение ученых. Имели место, в том числе, и случаи изменения родовой идентификации после прочтения соответствующей научной статьи. Подобные ситуации зафиксированы, например, в селе Торы Тункинского района Бурятии (Строганова, 2001: 118). В целом же обращение к научным изданиям как к источнику информации о традиционной культуре в современном мире не является редкостью.

Характерная для кочевников прошлого родоплеменная идентификация на сегодняшний день сохранена или утрачена разными народами в разной степени. У башкир, например, землевладение до сих пор определяется принадлежностью к роду. У халха-монголов сохранились определяющие идентификацию с родом термины, приведенные в словаре традиционного образа жизни монголов 1992 г. издания (издательство «Есөн Эрдэнэ») и обозначающие девять поколений предков (отца, деда, прадеда и т. д.): *эцэг, өвөг, элэнц өвөг, хуланц өвөг, элэн өвөг, хулан өвөг, холбоо өвөг, өндөр өвөг, балдаг өвөг* (Монгол уламжлалт ..., 1992: 9). Утратив подобную терминологию, современные буряты, тем не менее, часто хорошо знают свои родословные, им известны названия крупных и более мелких родовых подразделений, то есть, наличие родового самосознания для бурят по-прежнему характерно.

Государственная национальная политика России в Бурятии

Традиционно бурятский род представлял собой «строго экзогамную общину, связанную в одно целое единым наследственным старшим в роде, единой территорией, одним улусом, общими кочёвками, общими местными богами, общим отправлением тайлаганов и ещё многими элементами... Эта община жи<ла> одной большой патриархальной семьей, тесно сплочённой не только общностью происхождения и кровным родством, но и общностью материальных интересов» (Петри, 1924: 2).

Появление русских в Прибайкалье в XVII в. приводит к интенсификации перемещений и изменению территории расселения многих родовых групп бурят. На рубеже XVIII–XIX вв. земля становится уже не родовой, а территориально-улусной, родовое деление утрачивает прямое соответствие с территориальной общностью (Асалханов, 1963: 109).

После появления в 1822 г. «Устава об управлении сибирских инородцев» М. М. Сперанского («Устав об инородцах» ... , 1994: 17–37) род становится административной единицей. При создании институтов степных дум, ставших высшим органом национального самоуправления, племенное деление сохраняется, но состав рода пополняется представителями других родов, которые кочуют на его территории (Доржиев, 2005: 403), сам же род дробится на мелкие группы; так возникают, к примеру, 1-й, 2-й, 3-й ашебагатский роды (Балдаев, 1961: 96–99), что связано, в первую очередь, с удобством сбора налога-ясака. С переходом на волостную форму управления в Забайкалье и Предбайкалье в начале XX в. административно-родовая община бурят распадается. По мнению большинства исследователей, именно в это время можно констатировать факт консолидации бурят в единую народность, что документально закрепляется в советское время. Впрочем, вышесказанное относится не только к бурятам: со времени появления сведений в русскоязычных источниках о коренных малочисленных народах Севера и Сибири их «этническая идентичность... характеризовалась такими особенностями, как принадлежность к родовым и племенным объединениям, территориальным группам» (Уварова, 2015: 216–217). В советское же время произошло оформление «общеэтнической... принадлежности этой категории населения России» (там же).

Политика конструирования бурятской социалистической нации с одной стороны и переселенческая политика советского руководства с другой приводят к образованию в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике (БМАССР) специфической этнической общности. Обладая менталитетом титульного этноса, буряты, между тем, не составляют большинства населения Республики. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства оказывают разрушительное воздействие на традиционный хозяйственный уклад и существующую систему воспитания (Крадин, 2014: 205–208). Значительно усиливаются процессы ассимиляции.

Советский период вообще очень сложно оценить однозначно, его влияние на бурятский этнос и его структуру нужно признать созидательно-разрушительным либо разрушительно-созидательным. Бурятия получила тогда автономию и положение «младшего брата» в России; «в официальное название республики был введен этноним — но его носители скоро оказались в этой республике в меньшинстве; все религии обрели равенство — но то было равенство бесправия перед лицом господствующей советской идеологии...; была осуществлена национализация школ — однако

воспитание в этих школах не было национальным бурятским...; произошло социальное и культурное выравнивание бурятского народа, что объективно способствовало его единению, — но при этом его этноареал был произвольно рассечен административными границами, а сам процесс интеграции бурят в нацию в значительной мере отставал от всемерно поощряемой властями интеграции в “новую историческую общность” — советский народ» (Строганова, 2001: 51).

Произведенное в 1937 г. расчленение Бурят-Монголии на три части до сих пор воспринимается как нанесенная травма. Языковые эксперименты 1930-х гг., в ходе которых неоднократно менялись алфавитная и диалектная основы бурятского литературного языка, лидируют в списке причин его современного кризисного состояния. Исчезновение в 1958 г. «монгольской» части названия Республики считается посягательством на макроэтническую идентификацию бурят как часть монгольского культурного ареала. Однако, потенциал для будущего бурятского национально-культурного возрождения зарождается именно в советское время. (Мы имеем в виду наблюдаемый рост национального (этнического) самосознания и, главное, воспитание его будущих лидеров — национальной интеллигенции. И «золотым временем», за возврат к которому позже велась борьба, стали 20-е годы XX в., т. е. начало всё того же советского периода).

Родоплеменная идентификация в советское время утратила свои прежние функции, но в самосознании бурят сохранялась. Один из авторов «Истории Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» Л. М. Дамешек, к примеру, писал: «В 1956 г. мы с Рыгдылоном и П.П. Хороших обошли пешком почти весь Ольхонский район. К кому бы мы ни обращались — старому или малому, — каждый называл своих предков не менее чем до 10-го — 14-го колена. Во время этнографических экспедиций по Кабанскому и Ольхонскому районам в 1972–1973 гг. мы впервые применили методику сплошного этнографического обследования населения... Мы решили обойти каждый дом, а в доме спросить всех членов семьи, начиная от самых маленьких до глубоких стариков. Записывали родословные не только мужчин, но и женщин, чего до нас не делал никто. <...> В результате нам удалось выявить уникальные материалы по истории возникновения, развития, членения, исчезновения и восстановления бурятского рода» (История Усть-Ордынского ... , 1995: 65–66).

Противоречивую советскую эпоху сменили суровые 1990-е годы, когда в условиях «резкого снижения степени организованности социальных отношений, фрагментации отдельных сфер жизнедеятельности и деграда-

ции систем социального управления, этническая принадлежность людей превратилась... в наиболее субъективно значимый фактор, гарантирующий определенный уровень социальной защищенности человека» (Попков, 2016: Электр. ресурс). И процесс национально-культурного возрождения, охвативший тогда Бурятию, был для российской действительности тех лет явлением вовсе не уникальным. Принятие таких документов, как Декларация о государственном суверенитете (1990), новая Конституция Республики (1994); постановление «О реабилитации народов Бурятии», признающее незаконным акт 1937 г. о передаче части территории БМАССР Иркутской и Читинской областям, создание Всебурятской ассоциации развития культуры (1991) — вот только некоторые действия, характеризующие его бурное начало.

Среди бурят наблюдается рост интереса к своему происхождению (Дагбаев, 2010: 139–140), и родоплеменной уровень идентификации выступает на передний план.

Современные функции родоплеменной идентификации

Конечно, принадлежность к определенному роду сегодня уже не определяет, где жить, на ком жениться и каким образом платить налоги, и повседневная жизнь представителя одного рода, в сущности, ничем не отличается от повседневной жизни представителя другого. И всё же идентификация с родом остается психологически важной, вероятно, являясь для бурятского общества запускающей в сложный период социальных трансформаций программой самосохранения с помощью тех способов, которые подсказывает социокультурная память (Ламажаа, 2013: 54). Ведь родоплеменной пласт этнического самосознания как раз является его архаической частью. Само его существование и устойчивое сохранение наиболее характерно для кочевых народов, поскольку кочевник привязан более не к территории, а к определенной группе людей — к своему роду (Головнев, 2015: 87).

Для бурят восстановление идентификации с родом связано с возрождением древнейших родоплеменных культов, с существовавшей традицией сакрализации родовых территорий (Жуковская, 2002: 29–37), с проведением в честь покровителей рода тайлаганов, само участие в которых обусловлено родством (Строганова, 2001: 114); с обращением к самым древним из распространенным на территории этнической Бурятии религиозным системам — тэнгрианству и шаманизму. Возвращение к ним

обретает смысл противостояния переменам, «сотрясающим весь мир и постсоветское пространство» (Тендрякова, 2008: 157), является попыткой обретения уверенности в себе через обращение к корням. Стоит также отметить, что эффективность антирелигиозной политики советских властей, имеющей общую направленность против православия, шаманизма, буддизма, в итоге имела разную степень: наиболее «живучим» оказался шаманизм. Е. А. Строганова усматривает причину такого развития событий в сохранившейся традиции устной передачи информации (Строганова, 2001: 46) — родословной, преданий, обычаев и обрядов. Возможно, впрочем, что жизнеспособность шаманизма и его лучшая сохранность в условиях кризиса объясняется его архаичностью, большей, в сравнении с буддизмом или христианством, древностью, более длительным бытованием в бурятском обществе, способностью приспосабливаться к любым окружающим условиям.

Возрождение родоплеменной идентификации тесно связано со стремлением сохранить родной язык — язык, на котором говорили предки-сородичи. «На родном языке нужно читать наследие своих предков, петь песни. А главное для каждого состоит в том, что после смерти нас ожидает встреча с предками, и без знания языка они не признают. Если будешь говорить с ними не на родном языке, то с тобой будет другой разговор», — рассуждает Б. Э. Мункожаргалов (Мункожаргалов, 2015: Электр. ресурс). И в том числе поэтому в системе ценностей этнофора «языку рода» или определенному диалекту, зачастую принадлежит более высокое место в сравнении с современным бурятским литературным языком, и в том числе поэтому бурятский до сих пор не стал обязательным языком изучения в республике. Появление газеты «Нютаг хэлэн / Диалекты» (гл. ред. — доктор социологических наук Ц. Ц. Чойропов) в октябре 2015 г. и «Буряад арадай радио» (вещающего на диалектах) в августе 2016 г. — «вершина айсберга» сложной проблемы, по которой изложить весь спектр взглядов не представляется возможным в рамках настоящей статьи. Разрешить вопрос отсутствия полного взаимопонимания между носителями различных диалектов возможно путем обращения к старомонгольской письменности, преподавание которой ведется в Улан-Удэ для широкого круга слушателей с 1 декабря 2016 г. Но письменно зафиксировать фонетическое своеобразие бурятского литературного языка и его диалектов способна только кириллица.

Обострение традиционного самосознания (и актуализация идентификации с родом как его частный случай) служит естественным ответом на

тенденцию восприятия мира как «единого целого» (Хантингтон, 2003: 94), на вызовы глобализации. Как отмечает проф. В. В. Карлов, «вместе с прощупыванием путей ослабления и деструкции традиции и сообщества со стороны идеологов глобализма в его нынешних формах, можно наблюдать и противоположные феномены: поиск и прощупывание путей сохранения и воспроизводства этнокультурной специфики в формах, присущих уже не традиционным культурам, но современному миру» (Карлов, 2016: 29). Возрождение родоплеменной идентификации и является, на наш взгляд, одним из таких путей.

С переходом от традиционного общества (с его привязанностью индивида к роду, общине) к современному обществу, при резком возрастании степени свободы личности, человек теряет былую защищенность (Умбеталиева, 2003: Электр. ресурс). С возвращением ощущения принадлежности к роду возвращается и чувство безопасности. Однако дело не столько в переходе от одного типа общества к другому, сколько в вызванном распадом СССР и связанной с ним девальвацией ценностей состоянии социального кризиса: ведь потребность в поведенческих ориентирах сохранилась и после распада Советского союза. Обостренное восприятие собственной этнической (и субэтнической) принадлежности явилось одним из выходов из сложившейся ситуации (Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005; Строганова, 2001: 57–58). В своем докладе на XI Конгрессе антропологов и этнологов России в августе 2015 г., посвященном современному трайбализму народов Центральной Азии, А. Р. Вежбицки высказал также мысль о том, что существующие нынче родоплеменные связи помогают заменить проводимую ранее социальную политику на постсоветском пространстве.

Заключение

В свете вышеизложенного, объяснение наличия родового уровня идентификации незавершенностью процесса консолидации бурятской нации представляется нам не совсем верным. Существование подобных логических построений свидетельствует о терминологической неопределенности, существующей в российской науке: о том, что такое нация, ученые между собой еще до конца не договорились, однако (в большинстве своем) сходятся в том, что это — термин скорее политический, нежели этнический. К тому же, актуальная некогда задача консолидации бурятской нации на повестке дня не стоит. Напротив, начало третьего тысячелетия

характеризует проводимая на государственном уровне деполитизация этничности. С ней связан процесс укрупнения регионов России, болезненно воспринятый в Бурятии. Именно в рамках этого процесса после проведения референдумов были упразднены Усть-Ордынский (1 января 2008 г.) и Агинский (1 марта 2008 г.) бурятские автономные округа.

Полагаем, что родоплеменной и национальный уровни идентификации существуют в разных плоскостях, играют разные роли в жизни общества и не конфликтуют друг с другом. Однако этническая и гражданская идентификация тесно взаимосвязаны. С точки зрения проф. А. Р. Вежбицки, высказанной им в уже упомянутом нами докладе, для достижения общегражданской консолидации сначала необходимо достичь консолидации общезтнической, то есть, того состояния, при котором, к примеру, жузовое самосознание казахов не мешает осознанию общеказахского единства. При этом жузовое самосознание не должно вытесняться осознанием принадлежности к казахам. Речь идет лишь о деполитизации жузового самосознания. Для успешной (то есть, более частой) актуализации гражданской идентичности ни размывания этнической идентичности гражданской, ни конфликта между гражданской и этнической идентичностью возникать не должно. Напротив, «в качестве необходимой базы гражданской идентичности и солидарности следует рассматривать сохранение и развитие этнической идентичности, этнокультурной преемственности, межпоколенной трансляции духовно-нравственных ценностей» (Уварова, 2016: 298), то есть, этническая идентичность рассматривается как основа гражданской.

Взаимоотношения между различными субэтническими подразделениями не выходят на уровень межнациональных отношений (это вопрос внутринациональный); их развитие не ведет к возрастанию межэтнической напряженности в регионе. Они менее зависимы от управленческих рычагов и менее подвержены «политическому конструированию»; контролировать их развитие достаточно сложно. Наличие субэтнической (родоплеменной) идентификации в сознании современных бурят не препятствует ни осознанию общепурятского этнического единства, ни формированию общероссийской гражданской идентичности, которое сегодня можно считать одной из главных задач национальной политики федерального уровня (в ноябре 2016 г. комитет Государственной Думы по делам национальностей приступил к разработке концепции законопроекта о российской нации). Востребованность идентификации с родом в этнической Бурятии обусловлена теми функциями, которые она выпол-

няет. Поэтому, скорее всего, в обозримом будущем наличие родового самосознания останется отличительной характеристикой бурятской этнической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амоголонова, Д. Д., Елаева, И. Э., Скрынникова, Т. Д. (2005) Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск: РПЦ «Радиян». 246 с.

Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2003) Современные буряты как этносоциальная общность: некоторые особенности идентификационного процесса // Культура и менталитет населения Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Арутюнов, С. А. (1989) Фантом безэтничности // Расы и народы : Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник / отв. ред. С. И. Брук. Вып. 19. М.: Наука. С.22–24.

Асалханов, И. А. (1963) Социально-экономическое развитие Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 493 с.

Балдаев, С. П. (1961) Материалы к изучению родовых и племенных отношений у бурят // Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 255 с. 77–109.

Балдаев, С. П. (1970) Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхири-ты. Улан-Удэ, 1970. 362 с. [Электронный ресурс] // Иркипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/baldaev-predanija-buryat.pdf> (дата обращения: 12.01.2017).

Буряты (2004) / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука. 633 с.

Головнев, А. В. (2015) Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН. 592 с.

Дагбаев, Э. Д. (2010) Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник Бурятского государственного университета. № 6. С. 134–141.

Доржиев, Б. Ш. (2005) Из истории бурятских родоплеменных образований Прибайкалья // Актуальные проблемы истории и культуры народов азиатско-тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 26 апреля 2005 г. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд. полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. С. 396–404.

Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература. 274 с.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (1995) / отв. ред. Л.М. Дамешек. М.: Прогресс. 544 с.

Карлов, В.В. (2016) Этнос и глобализация: унификация или рост многообразия культур? // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и

трансграничье: коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России, 2–5 июля 2015 года / под ред. В. В. Карлова, Е.А.Окладниковой. М.–Берлин: Директ-Медиа. 316 с. С. 5–30.

Крадин, Н. Н. (2014) Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3 (76). С. 205–214.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен / Предисл. В. Г. Федотовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Мункожаргалов, Б. Э. (2015) Пока мы спорим о диалектах, язык умирает [Электронный ресурс] // Новая Бурятия. 25 июня. URL: <http://www.newbur.ru/articles/21574> (дата обращения: 12.01.2017).

Павлинская, Л. Р. (1996) Ещё раз об этнической истории байкальского региона // Сибирь: древние этносы и их культуры / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН. 198с. С. 62–96.

Петри, Б. Э. (1924) Элементы родовой связи у северных бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва.

Попков, Ю. В. (2016) Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 12.01.2017).

Строганова, Е. А. (2001) Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х — середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис. 150 с.

Тендрякова, М. В. (2008) Тэнгрианство: от государственной религии к забытым культам // Религия в истории и культуре монгоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: Восточная литература. 319 с. С. 133–158.

Трегубова, Д. Д. (2009) Место и роль родоплеменной идентификации в сознании современных бурят // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 1. С. 77–82.

Трегубова, Д. Д. (2011) Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем : дисс. ... канд. ист. н. М. 180 с.

Уварова, Т. Б. (2015) Современные формы презентации этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) / отв. ред. В. А. Тишков, А.В.Головнев. М. ; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиАУрО РАН. 504 с. С. 216–217.

Уварова, Т. Б. (2016) Этническая идентичность в системе жизненных ценностей коренных малочисленных народов Севера и Сибири // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье: коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России, 2–5 июля 2015 года / под ред. В. В. Карлова, Е. А. Окладниковой. М.–Берлин: Директ-Медиа. 316 с. С. 296–315.

Умбеталиева, Т. Б. (2003) Трайбализм в Казахстане. Родоплеменная дифференциация — основа политической системы [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. 3 января. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (дата обращения: 12.01.2017).

«Устав об инородцах» М. М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири XVII—XX вв. (1994) // Законодательные акты Российской империи: сб. документов / сост. и автор предисловия Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 74 с.

Хантингтон, С. (2003) Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю.Новикова. М. : ООО «Издательство АСТ». 603, [5] с.

Монгол уламжлалт ахуй амьдралын товч толь (хөхзул) (1992). Улаанбаатар хот: «ЕсөнЭрдэнэ» хэвлэлийн хоршоо. (На монг. яз.).

Дата поступления: 02.02.2017 г.

REFERENCES

Amogolonova, D. D., Elaeva, I. E. and Skrynnikova, T. D. (2005) *Buriatskaia etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii (postsovetskii period)*. Irkutsk, RPTs «Radian». 246 p. (In Russ.).

Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2003) *Sovremennye buriaty kak etnosotsial'naiia obshchnost': nekotorye osobennosti identifikatsionnogo protsessa*. In: *Kul'tura i mentalitet naseleniia Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, ed. A.O.Boronoev. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU. (In Russ.).

Arutiunov, S. A. (1989) *Fantom bezetnichnosti*. In: *Rasy i narody: Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy*: Ezhegodnik, ed. S. I. Bruk. Vol. 19. Moscow, Nauka. Pp. 22–24. (In Russ.).

Asalkhanov, I. A. (1963) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* Ulan-Ude, Buriat. kn. izd-vo. 493 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1961) *Materialy k izucheniiu rodovykh i plemennykh otnoshenii u buriat*. In: Baldaev S. P. *Izbrannoe*. Ulan-Ude, Buriat. kn. izd-vo. 255 p. Pp. 77–109. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1970) *Rodoslovnye predaniia i legendy buriat*. Ch.1. Bulagaty i ekhirty. Ulan-Ude, 1970. 362 s. *Irkipediia. Entsiklopediia i novosti Priangar'ia* [online] Available at: <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/baldaev-predaniia-buryat.pdf> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Buriaty (2004), ed. L. L. Abaeva and N. L. Zhukovskaia. Moscow, Nauka. 633 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2015) *Fenomen kolonizatsii*. Ekaterinburg, UrO RAN. 592 p. (In Russ.).

Dagbaev, E. D. (2010) *Buriatskaia etnicheskaia identichnost': mezhdru traditsiei i modernizatsiei*. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 134–141. (In Russ.).

Dorzhiiev, B. Sh. (2005) *Iz istorii buriatskikh rodoplemennykh obrazovaniia Pribaikal'ia*. In: *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury narodov aziatsko-tikhookeanskogo regiona: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ulan-Ude, 26 apreilia 2005 g.*, ed. B. V. Bazarov. UlanUde, Izd.poligraf. kompleks FGOU VPO VSGAKI. Pp. 396–404. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika*. Moscow, Vostochnaia literatura. 274 p. (In Russ.).

Istoriia Ust'-Ordynskogo Buriatskogo avtonomnogo okruga (1995), ed. L. M. Dameshek. Moscow, Progress. 544 p. (In Russ.).

Karlov, V. V. (2016) Etnosy i globalizatsiia: unifikatsiia ili rost mnogoobraziia kul'tur? In: *Etnokul'turnoe vosproizvodstvo v usloviakh globalizatsii: etnoperekrestki i transgranich'e: kollektivnaia monografiia po materialam XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii, 2–5 iiulia 2015 goda*, ed. V. V. Karlov and E. A. Okladnikova. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 316 p. Pp. 5–30. (In Russ.).

Kradin N. N. (2014) Transformatsiia skotovodcheskogo khoziaistva u aginskikh buriat v nachale XXI veka: sravnitel'nyi analiz. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 3 (76), pp. 205–214. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva: Tuvinskii fenomen*. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 272 p. (In Russ.).

Munkozhargalov, B. E. (2015) Poka my sporim o dialktakh, iazyk umiraet. *Novaia Buriatiia*, 25 June [online] Available at: <http://www.newbur.ru/articles/21574> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Pavlinskaia, L. R. (1996) Eshche raz ob etnicheskoi istorii baikal'skogo regiona. In: *Sibir': drevnie etnosy i ikh kul'tury*, ed. L. R. Pavlinskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 198 p. Pp. 62–96. (In Russ.).

Petri, B. E. (1924) *Elementy rodovoi sviazi u severnykh buriat*. Irkutsk, Vost.-Sib. Otd. Rus. Geogr. O-va. (In Russ.).

Popkov, Iu. V. (2016) Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Stroganova, E. A. (2001) *Buriatskoe natsional'no-kul'turnoe vozrozhdenie (konets 80-kh – seredina 90-kh godov XX veka, Respublika Buriatiia)*. Moscow, Irkutsk, Natalis. 150 p. (In Russ.).

Tendriakova, M. V. (2008) Tengrianstvo: ot gosudarstvennoi religii k zabytym kul'tam. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov Rossii*, comp., ed. N. L. Zhukovskaia. Moscow, Vostochnaia literatura. 319 p. Pp. 133–158. (In Russ.).

Tregubova, D. D. (2009) Mesto i rol' rodoplemennoi identifikatsii v soznanii sovremennykh buriat. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, issue 8, *Istoriia*, no. 1, pp. 77–82. (In Russ.).

Tregubova D. D. (2011) *Subetnicheskie grupy buriat v proshlom i nastoiashchem* : Diss. ... Candidate of History. Moscow. 180 p. (In Russ.).

Uvarova, T. B. (2015) Sovremennye formy prezentatsii etnicheskoi identichnosti korennykh malochislennykh narodov Severa. In: *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov (Ekaterinburg, 2–5 iiulia 2015 g.)*, ed. V. A. Tishkov and A. V. Golovnev. Moscow, Ekaterinburg, IEA RAN, IIAUrO RAN. 504 p. Pp. 216–217. (In Russ.).

Uvarova T. B. (2016) Etnicheskaiia identichnost' v sisteme zhiznennykh tsennostei korennykh malochislennykh narodov Severa i Sibiri. In: *Etnokul'turnoe vosproizvodstvo v usloviakh globalizatsii: etnoperekrestki i transgranich'e: kollektivnaia monografiia po*

materialam XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii, 2–5 iulia 2015 goda, ed. V. V. Karlov and E. A. Okladnikova. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 316 p. Pp. 296–315. (In Russ.).

Umbetalieva, T. B. (2003) Traibalizm v Kazakhstane. Rodoplemennaia differentsiatsiia — osnova politicheskoi sistemy. *TsentrAziia*, 3 January [online] Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

«Ustav ob inorodtsakh» M. M. Speranskogo i zemel'naia politika Rossiiskoi imperii v Sibiri XVII—XX vv. (1994). In: *Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii: Sb. Dokumentov*, comp. F. A. Satlaev. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek. 74 p. (In Russ.).

Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii*, transl. by Engl. by T. Velimeeva. Iu. Novikova. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST». 603, [5] p. (In Russ.).

Mongol ulamzhalt akhui am'dralyn tovch tol' (khøkhzul) (1992). Ulaanbaatar khot: «EsenErdene» khevleliin khorshoo. (In Mong.).

Submission date: 02.02.2017.

Для цитирования:

Трегубова Д. Д. Буряты в субэтническом измерении (особенности этнической идентификации) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/700> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.8

For citation:

Tregubova, D. D. The sub-ethnic aspects of the Buryats: the issues of ethnic self-identification. *New Research of Tuva*. 2017, no.1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/700> (access date: dd.mm.yy). DOI: 10.25178/nit.2017.1.8